

Александр Малютин

- Специальность: По-моему, физика плазмы
- Начал работать в ИЯФ у Куртмуллаева – бесстолкновительные ударные волны в плазме, продолжил в Филиале ИАЭ в подмосковье, сейчас владею маленькой фирмой по разработке ПО.
- Женат второй раз. Жена соратница. Есть сын и две внучки.
- Мои пожелания друзьям – однокурсникам:

Покорять вершины смысла!

НГУ–1964

Мы, четверо парней из Самары – я (Малютин С.), Леша Еськов, Федор Миронов и Гена Антонов – в 11 классе увлеклись изучением высшей математики. Собирались на дому у Миронова, читали учебники, решали задачи. Помню, с каким трудом далась задача о бассейне с тремя трубами, по одной из которых втекала соленая вода, по другой – пресная, а по третьей – вытекала. Но все-таки на первом месте была физика. Я выучил чуть ли не наизусть учебник по физике для первого курса (автора не помню). С особым трепетом углубился в электрические явления. А какой божественной красоты мне представлялся закон Кулона! Параллельно со штудированием физических законов решал задачи – все подряд из такого толстенького задачника. Счет шел на сотни! Как-то случайно купил книжку Франк-Каменецкого «Плазма – четвертое состояние вещества». Все, моя судьба была решена. Только физика, только плазма, только термояд!

Кто-то из нашей четверки притащил большую статью об Академгородке в газете «Комсомольская правда». Романтика города науки, научные институты, расположенные среди лесов, ручные белки и академики в кругу студентов увлекла нас. Решение ехать было принято быстро. Родители не возражали. Приехали в Новосибирск вчетвером.

Федор Миронов (№2) попал на вечерний факультет, а Гена Антонов (№4) прова-

лился. Он на математике сразу стал решать задачи с применением интегралов, запутался и не выполнил задание. На дневной прошли я (№1) и Леша Еськов (№3).

Во время экзаменов жили в общежитии на улице Романтиков, спали на полу. Меня окружали талантливые ребята. Один был гипнотизером и на моих глазах «усыплял» абитуриентов. Другой демонстрировал карточные фокусы и виртуозно манипулировал картами, которые то появлялись, то исчезали. На улице мне попадались бородатые студенты с очень умными лицами. У меня прямо опускались руки. Я чувствовал себя глупым провинциалом, у которого было совсем мало шансов присоединиться к этому братству молодых ученых. Да еще эти свирепые комары да мошки...

По физике меня экзаменовала симпатичная женщина. Один из вопросов был такой: почему в бутылке с газировкой после открытия пузырьки поднимаются из одной точки вертикальным столбиком? С небольшой подсказкой ответил правильно. Другой вопрос явно выходил за рамки школьной программы (скатывание цилиндра с наклонной плоскости). Но эту тему я хорошо знал благодаря тому толстенькому задачнику по физике для первого курса. На письменном экзамене по математике я не успел в отведенное время решить задачи до конца. Поэтому в последнюю минуту просто изложил суть решения в свободной форме. Мол, далее делаем то-то и то-то и получается то-то – без реальных выкладок. Этот прием был вполне в духе той творческой свободы, которая царила тогда в Академгородке, и я получил 5. Оценку за сочинение я так и не узнал, так как прочел в списке на доске объявления, что зачислен, и уехал домой.

Чтобы в сентябре поехать на картошку. Из того периода картошка как-то запомнилась не очень, но вот о забастовке – помню. Ребятам не понравилось, как готовят в столовой, и было решено объявить этой столовой бойкот. Мне столовая нравилась, но я, естественно, к бойкоту присоединился. Из солидарности, хотя и с некоторыми сомнениями. Забастовка завершилась по естественным причинам, и все вернулось на круги своя: мы – на картошку, столовая – к прежнему качеству еды.

С Лешей Еськовым мы спали на полу чуть ли не под одним одеялом и всюду ходили вместе. Нашим старостой был «Борода» – высокий весельчак, в очках с толстой оправой. В то время для меня он был парень с авторитетом и огромной харизмой. Потом мы с ним и Лешей Еськовым оказались в одной комнате в общежитии. Борода была сбрита, и парень превратился в Витю Гетманова – большого любителя Шекли и Брэдли.

На первом курсе меня захватила алгебра. Векторы, пространства, матрицы, тензоры... Это было потрясающе! Любовно написанные конспекты я увез в Самару (чтобы перечитывать на каникулах), где они со временем были благополучно пущены на растопку печки. А теорема Дирихле внушила мне, что математика – это наука педантичная, содержащая в себе немало глубоких и мрачных тайн, которые едва ли можно постичь все и до конца. Возможно, это было предчувствием теоремы Геделя о неполноте.

Основные впечатления от 5 лет учебы: домашние занятия до 2 часов ночи, пыточный

будильник по утрам, узкие зимние тропинки, по которым по утрам двигалась вереница студентов на занятия, восторг после сдачи очередного экзамена, когда можно было двинуть на Обское море и до вечера не думать о конспектах и книжках. А каждый новогодний праздник переворачивал очередную годовую страницу книжки под названием НГУ.

Вечерами к нам в комнату иногда приходил Юра Идельс, и тогда начиналось дикое веселье.

Мы просто бесились, шутки вызывали гомерический хохот, затевались какие-то игры, Витя Гетманов и Леша Еськов устраивали борьбу без правил. Сейчас все это кажется невероятным. Мы, такие солидные люди, в чем-то успешные, обремененные детьми, должностями и обязанностями, – неужели это были мы?

Сейчас у меня есть небольшая фирма, которая занимается разработкой программных продуктов. Мне повезло, что моя жена Елена работает в одной связке со мной. Благодаря ее предметным знаниям и позитивной ауре, фирма делает успехи. Но самое главное – ее трудами функционирует бухгалтерия (которая в 100 раз сложнее физики?!), а значит, процветает и фирма.

Прошло уже более 20 лет адской работы в новой области. Похоже, я опять утомился. Чем бы еще заняться? Кажется, я знаю. Искусственный интеллект. Восхитительная тема! Кто со мной?

2014 г.